

Мгновенно раздался смех, исходящий в основном от съёмочной группы, хотя некоторые артисты тоже не смогли сдержать улыбок.

Ю Сюань покраснел от смущения, и Лу Ли тоже почувствовал неловкость. Хотя сейчас он не испытывал симпатии к Ю Сюаню, открыто унижать его он бы не стал.

Чжао Юйган приказал операторам подготовиться к повторной съёмке.

Лу Ли выучил свои реплики и ждал, когда Ю Сюань начнёт петь. Однако на этот раз тот даже не успел затянуть, как сразу же получил NG. И так три раза подряд.

Чжао Юйган снова отругал Ю Сюаня, причём так сильно, что Лу Ли даже почувствовал к нему жалость.

Однако Ю Сюань выглядел крайне напряжённым, явно приняв сочувствующий взгляд Лу Ли за насмешку.

Кто смог бы сыграть хорошую сцену перед человеком, который накануне видел его в самом неприглядном свете?

Ю Сюань был новичком, и его психическая устойчивость ещё не достигла такого уровня. В середине сцены, вспомнив, что Лу Ли должен будет озвучить его, он не смог сдержать нахлынувших чувств, смешавших старые обиды с новыми.

Чжао Юйган выглядел мрачным, не ожидая, что съёмки сегодня будут настолько трудными.

Менеджер Ю Сюаня поспешил подойти и извиниться:

— Простите, режиссёр Чжао, Сюань вчера выпил и простудился... Сегодня, если ничего не получается, может, снимем другие сцены?

Плохое состояние актёра только удваивало усилия съёмочной группы. Хотя Чжао Юйган был раздражён, эти объяснения немного смягчили его гнев. В конце концов, вчера они все вместе веселились за жарким мясом до часу ночи, и сегодня слишком сильно ругаться было бы несправедливо.

— Ладно, снимем другую сцену, — приказал Чжао Юйган, взглянув на Лу Ли. — Ты подготовься, сегодня начнём с первой сцены, как насчёт этого?

Лу Ли всё ещё был погружён в размышления о том, что Ю Сюань простудился и что он делал вчера с Лу Сюэцином, и, услышав это, растерялся:

— А?

Чжао Юйган спросил:

— Ты тоже простудился?

Лу Ли поспешно покачал головой:

— Нет-нет, я сейчас подготовлюсь.

Чжао Юйган кивнул и приказал группе перейти на другое место. Декораторы тут же начали готовить площадку, а Лу Ли воспользовался этим временем, чтобы переодеться, надеть парик и

загримироваться. Вскоре в зеркале появился красивый молодой учёный древности, с ясными чертами лица и стройной фигурой.

Гримёрша, женщина лет тридцати, закончив с бровями, с восхищением сказала:

— У тебя отличная кожа, хорошо ухаживаешь!

На самом деле Лу Ли никогда не ухаживал за кожей, просто в резиденции Лу всегда уделяли внимание здоровому питанию, поэтому у него хорошая основа.

Лу Ли дружелюбно улыбнулся ей и поблагодарил за комплимент.

Вернувшись на площадку, он увидел, что Фу Юньлань и двое других подошли, чтобы поддержать его. Выслушав их, Лу Ли с лёгкой иронией сказал:

— Я же не впервые снимаюсь, чего вы все так волнуетесь?

Сюй Хуайфэн и Чжоу Цзыи обменялись сочувствующими взглядами и сказали:

— Просто заранее утешаем, скоро ты окажешься под звуковой атакой режиссёра Чжао.

Лу Ли вспомнил последние дни наблюдений, мысленно поставил многоточие и серьёзно ответил:

— Я готовлюсь!

Операторы заняли свои места на верхних и нижних платформах, все группы были готовы. Лу Ли глубоко вдохнул и вышел на подготовленную площадку.

Первая сцена была о его встрече с молодой барышней Су Цююэ.

Молодой учёный и знатная девушка поднялись в горный храм, чтобы возжечь благовония. На обратном пути их застал ливень с громом, и, спасаясь от дождя, учёный случайно набрел на ветхий храм. Знатная девушка со своей служанкой Сяо Хун тоже укрылась там от дождя.

Так началась их судьба.

Партнёршей Лу Ли по сцене была молодая актриса, бывшая звезда детских ролей Чанся. Сладкая внешность и юный возраст делали её похожей на персик, сочный и нежный.

Съёмки проходили в старом, разрушенном храме.

Снаружи храма висели обветшалые флаги, развевающиеся на сильном ветру.

Лу Ли в роли учёного Хуа Цуншаня держал веер над головой, спасаясь от проливного дождя. Он спустился с горного склона и забежал в храм.

Хуа Цуншань вытер лицо, отряхнул одежду, пытаясь избавиться от воды, просочившейся под кожу. Когда он уже снял верхнюю одежду, чтобы выжать её, из-за плотной завесы дождя выбежали ещё двое.

Служанка Сяо Хун с госпожой Су Цююэ, прикрывая головы рукавами, тоже забежали внутрь.

Су Цююэ, только войдя в храм, вытерла мокрое лицо шёлковым рукавом. Её кожа была

белоснежной, с лёгким румянцем от бега. Брови, как чёрная тушь, губы, как вишни, она слегка запыхалась, и несколько прядей влажных волос прилипли к щекам. Она откинула их за ухо... Затем её нежные руки поправили мокрые рукава и подол платья, достали из кармана платок и вытерли капли с лица.

Её руки были мягкими, как лепестки, щёки — нежными, как сливочный крем. Сцена была невероятно красивой, особенно в этот момент, когда солнце садилось, и облака не полностью скрывали его свет. Дождь лил волнами, но весь мир был наполнен тёплыми тонами.

Казалось, что вокруг Су Цююэ исходит сияние.

Хуа Цуншань невольно смотрел на неё, забыв о правилах приличия.

Су Цююэ дрогнула ресницами, словно почувствовав его взгляд, и отвернулась. Служанка Сяо Хун — это была артистка из «Тяньшэн», известная как Сяо Таосинь, — сразу же встала перед госпожой, с гневом подняла подбородок и крикнула:

— Наглец! Как ты смеешь так бесстыдно смотреть на мою госпожу? Если осмелишься ещё раз, как только дождь закончится, я отправлю тебя к властям!

Хуа Цуншань поспешно замахал руками:

— Нет-нет-нет! — покраснев, он сказал:

— Я просто... просто увидел, как вы вошли, и невольно взглянул.

Сяо Хун фыркнула и отвернулась, взяв госпожу за руку, намеренно или нет, она встала между Хуа Цуншанем и Су Цююэ, закрывая его взгляд.

Хуа Цуншань почувствовал себя глубоко пристыженным. Как он мог забыть о правилах приличия из-за красоты! Разве он не учил священные книги? Он отошёл на несколько шагов от них, переместившись под другой край крыши храма, чтобы укрыться от дождя.

Капли дождя продолжали стучать по земле, горы за храмом были скрыты за завесой дождя, и влага почти превратилась в туман. Несколько лучей солнца пробивались сквозь туман, создавая вспышки радужного света. Мир вокруг был невероятно красив.

Су Цююэ некоторое время любовалась дождём снаружи, а затем вдруг повернулась.

Её взгляд скользнул, и она украдкой, с любопытством, посмотрела на Хуа Цуншаня. Тот тоже невольно обернулся, чтобы взглянуть на неё в последний раз, и их взгляды встретились.

Оба покраснели и тут же отвели глаза.

Словно маленький коготок поцарапал сердце...

Так было посеяно семя любви.

До этого момента Чжао Юйган не кричал NG, но как только они закончили сцену, он крикнул «Стоп» и кивнул Сунь Чэнцюю, который подошёл, чтобы объяснить Лу Ли некоторые моменты.

— Ты неправильно сделал маленькие движения, руки должны быть вот так... Да, именно так. Когда одежда мокрая, нужно делать вот такие движения...

Сунь Чэнцзюй объяснял Лу Ли ошибки в деталях, показывая и заставляя его повторять.

Вскоре Чжао Юйган приказал группе, отвечающей за дождь, продолжить подготовку, операторам — скорректировать позиции, и снять сцену заново.

Снова сцена прошла без NG, но Чжао Юйган снова крикнул «Стоп» и приказал переснять.

Один раз, два раза, три раза...

Чжоу Цзыи и другие уже тихо подошли к режиссёру, наблюдая за съёмкой через камеру.

Цянь Чуаньсюн не выдержал:

— Он уже передал эмоции, почему он всё время делает ошибки в движениях?

Чжао Юйган, к удивлению, не ругался, а сказал:

— Потому что он не играет.

Он действительно стал Хуа Цуншанем.

В театре всё строится на шаблонах, даже если есть место для импровизации. Но актёр — это другое. Актёр, достигнув определённого уровня, обретает талант.

Играть, полностью становясь другим человеком.

Лу Ли, очевидно, не до конца понимал, как делать некоторые движения, но он играл Хуа Цуншаня. Поэтому каждый раз его маленькие движения были разными.

<http://bllate.org/book/16232/1458434>